

Къ исторіи едосѣвскаго толка.

(Окончаніе) ¹⁾.

III.

Дѣятельность Игнатія Трофимова въ Москвѣ.

Періодъ времени съ 1739 года до 1771 для московской едосѣвской общины былъ временемъ постепеннаго возвышенія ея надъ другими общинами и подготовленія къ тому приматству въ едосѣвщинѣ, которое здѣшняя община получила съ возникновеніемъ извѣстнаго Ковылинскаго Преображенскаго кладбища.

Уже около 1739 г. едосѣвщина встрѣчалась по всей Москвѣ. Но главнымъ ея центромъ было село Преображенское. Большинство едосѣвцевъ жило именно здѣсь; здѣсь жили и укрывались главные учителя, здѣсь совершались службы, здѣсь проходили „соборы“ и миссіонерскіе бесѣды. Словомъ, въ Преображенскомъ сосредоточивалась вся церковная жизнь московской едосѣвщины ²⁾.

Дома наиболѣе видныхъ учителей въ Москвѣ служили мѣстами многочисленныхъ собраній. Таковымъ напр. былъ домъ Тихона Родіонова „въ Преображенскомъ у рынку“ ³⁾, домъ Михаила Григорьева ⁴⁾, домъ Семена Савельева ⁵⁾. Извѣстны

¹⁾ См. Декабрь 1910 г., 680—694 стр.

²⁾ Кромѣ Преображенскаго встрѣчались большими гнѣздами едосѣвцы въ солбодѣ Семеновской (Дѣло Архива Св. Синода 1745 г. № 344; Дѣло 1746 г. Юля 11, и др.), въ селѣ Покровскомъ (Дѣло 1746 г. Юля 11), — но всѣ эти пункты тяготѣли къ Преображенскому.

³⁾ Дѣло Архива Св. Синода 1745 г., № 344.

⁴⁾ „Дѣло“... 1745 г. № 351.

⁵⁾ „Дѣло“... 1746 г. Юля 11.

моленія въ домѣ купца Михаила Иванова (Свѣтлицова ¹⁾). Большія собранія проходили въ домахъ у Якова Фролова, у Дмитрія Никитина, у Петра Масленикова; у послѣдняго собиралось до 35 человекъ ²⁾. А у Семена Савельева бывали сборища въ 100 человекъ и больше ³⁾. На этихъ собраніяхъ встрѣчались „вѣрные“ различныхъ мѣстъ и даже націй. Изъ пногороднихъ здѣсь встрѣчалось больше всего конечно разныхъ выходцевъ изъ Польши—бѣглыхъ солдатъ, женовъ и т. п. Таковыхъ мы встрѣчаемъ на собраніяхъ у Михаила Ив. Свѣтеникова, который, кажется, особенно отличался любовью къ такого рода страннопріимству ⁴⁾. А на собраніяхъ у Якова Фролова бывалъ даже какой-то Василій Степановъ—человекъ „польской націи“ ⁵⁾. Какъ вообще большинство Ѳедосѣевскихъ учителей, очень многіе изъ московскихъ содержали свой расколъ потаенно ⁶⁾; лишь очень немногіе были записными ⁷⁾.

Хатловскій прудъ—около мельницы, гдѣ вода не замерзала и зимой—былъ обычною купеждою для перекрещиваемыхъ, и уже въ разсматриваемое время многочисленныя души христіанскія находили по ночамъ въ немъ и зимою и лѣтомъ свою баню третьяго бытія и вытаскивались на холстахъ изъ его водъ чистыми отъ содѣланныхъ въ никоніанствѣ грѣховъ...

Насколько была благоустроена и сплочена Ѳедосѣевская московская община, можно судить по тому, что въ ней было хорошо организовано даже дѣло благотворенія и помощи неимущимъ и дряхлымъ единовѣрцамъ. „Семеномъ Савельевымъ и прочими“ наставниками собиралась „не малая милостыня отъ записныхъ и незаписныхъ въ Москвѣ раскольниковъ“, которою и шитались размѣщенные „въ Преображенской слободѣ въ избахъ старыя и дряхлыя и неимущіе

1) „Дѣло“... 1745 г. № 351.

2) Ibid.

3) „Дѣло“... 1746 г. Юля 11.

4) „Дѣло“... 1745 г. № 351.

5) Ibid.

6) Таковыми напр. были: Игнатій Трофимовъ, Семень Савельевъ („Дѣло“... 1746 г. Юля 11), Маркъ Яковлевъ (Гр. Яковлева „Извѣщеніе праведное“, стр. 124), Илья Ивановъ („Дѣло“... 1766 г. № 253) и мн. др.

7) Напр. Алексѣй Ив. Жемчужниковъ (Извѣщеніе прав., стр. 124).

своего пропитанія люди мужеска и женска полу“. И такіе призываемые „дряхлые старики, старухи и дѣвки“ жили здѣсь во многихъ домахъ. Эти свѣдѣнія замѣтуются изъ показанія, даннаго въ 1745 году раскольникомъ Яковомъ Сергѣевымъ. Къ своему показанію онъ сдѣлалъ одно интересное добавленіе, иллюстрирующее характеръ и цѣль этой едосѣвской благотворительности разсматриваемаго времени. Именно, онъ прибавилъ, что все эти бѣдные и дряхлые призывались едосѣвцами „за одно то, что они въ ихъ прелесть пахотятся“. Дѣвая рука благотворителей, такимъ образомъ, не только знала то, что дѣлала правая, но и направляла послѣднюю. Не безкорыстною была эта преображенская благотворительность, а преслѣдовала цѣли пропагандерскія. Такъ напр., когда увѣщаніями того же Якова Сергѣева одинъ старикъ изъ призываемыхъ, пѣкій Петровъ, былъ „отведенъ отъ перекрещивашья“, то за это „на единомъ моленіи отъ онаго Семена Савельева пропитаніемъ отлученъ былъ“¹⁾. Приемы Ковылина не были, такимъ образомъ, и его изобрѣтеніемъ.

Много было дѣла въ Москвѣ едосѣвскимъ наставникамъ. Поморская община была здѣсь тоже значительна. Съ Выгомъ она поддерживала оживленныя сношенія. Но различными причинами настоятели и учителя выговскіе были здѣсь черѣдными гостями и иногда заимвались по долгу. Такъ напр., „Сказаніе о началѣ раздора“ говоритъ, что во время „комисейскаго пѣзду (1739)“ Даниилъ Матвѣевъ „въ Москву ради пѣкинхъ нуждъ отъѣхавъ и тамо болѣе годницаго времени у христіанъ пребыть“²⁾. Естественно, что поморская пропаганда здѣсь была довольно сильна и несомнѣнно оказывала свои усилія и среди едосѣвцевъ. Новыя поморскія заблужденія выдвинули для послѣднихъ въ полемикѣ и соответствующіе новые вопросы.

Но среди заправиль едосѣвщины въ Москвѣ появляются дѣятельные и опытные учителя и борцы за свою истину³⁾.

1) Дѣло Архива Св. Синода 1745 г. № 344.

2) Стр. 103.

3) Въ „Извѣщеніи праведномъ“ Григорія Яковлева перечислены цѣлыи соимъ „едосѣвскаго раскола леучителей Московскихъ: Игнатій Трофимовъ, Михайилъ Григорьевъ, Илья Ивановъ, Семонъ Савельевъ, Михайилъ Ивановъ, Тихонъ Родіоновъ, Маркъ Яковлевъ, Мартинъ Сергіевъ

Понемногу сюда начинаютъ стягиваться богословско-миссіонерскія силы и изъ другихъ мѣстностей. Предъ Московію мало по малу склоняются другія общины оводосѣвскія и „Сердце Россіи“ начинаетъ постепенно дѣлаться и сердцемъ оводосѣвщины. Усилившаяся жизненность и значеніе Московской общины привлекли сюда въ 1739 году изъ Польши и миссіонера миротворца Игнатія Трофимова. Нѣтъ данныхъ съ опредѣленностью сказать, что онъ переселился съ этого времени въ Москву окончательно. Но если это были лишь только и наѣзды, то, по продолжительности пребыванія Игнатія въ каждый изъ нихъ въ Москвѣ, они вполнѣ позволяютъ считать его теперь въ числѣ отцовъ московскихъ. Несомнѣнно большую часть времени онъ проводилъ въ Москвѣ. Энергичная, дѣятельная натура миссіонера не позволяла ему подолгу сидѣть въ польской тиши и заниматься лишь спасеніемъ собственной души. Во всякомъ случаѣ послѣ 1739 года въ Польшѣ ни дѣла ни слова Игнатія не слышатся. Широко извѣстныя прежнія заслуги, не угашенная лѣтами и тяжелыми трудами кипучая энергія сразу же поставили его въ Москвѣ высоко и доставили ему въ оводосѣвской здѣшней іерархіи одно изъ первыхъ мѣстъ, если только не самое видное ¹⁾. Единовѣрцы его здѣсь съ радостью принимали, укрывали отъ властей и доставляли всякія удобства. Мѣстомъ его пребыванія было село Преображенское, домъ особенно близкаго къ нему человека, уже упомянутаго князя Михаила Свѣщникова ²⁾.

Появившись въ Москвѣ, Игнатій принялъ самое дѣятельное участіе во всѣхъ бесѣдахъ и спорахъ съ поморцами. Но

штабникъ, Прокопій Ивановъ, Павелъ Ивановъ, Алексѣя Ивановъ Жемчужниковъ „и проче съ ними“ (на стр. 61, 63 и 124). Еще извѣстны, напр., „тѣхъ же оводосѣвскихъ богопротивныхъ“ въ Москвѣ „сборищъ согласныи и учителя Сергѣя да Димитрій Осиповы, Никита Матвѣевъ и Никита Ивановъ“ (Дѣло Архива Св. Синода 1745 г., № 351). Изъ всѣхъ этихъ учителей Семенъ Савельевъ былъ въ числѣ наиболѣе уважаемыхъ. На допросѣ въ 1746 г. раскольникъ бѣглый солдатъ Алексѣя Кудрявцевъ говорилъ, что онъ—Семенъ—еще раньше 1739 года „по ихъ суетвѣрью“ вазывался „попомъ“, т. е. старшимъ, предстоятелемъ (Дѣло 1746 г. іюля 11).

¹⁾ Онъ напр. назывался „первымъ предводителемъ Московскихъ странъ“—рпк И. П. П. О. I, № 443, л. 187; ср. рпк О. I, № 1026, л. 35.

²⁾ Дѣло Архива Св. Синода 1745 г. № 351.

последнія отступленія поморской церкви сказались и на немъ—онъ заставилъ его строже относиться къ поморскому исповѣданію. Да и собесѣдниками его теперь являлись часто лица новыя. Прежніе поморскіе отцы миролюбцы, съ которыми онъ раньше „сладостно“ бесѣдовалъ, большею частію перемерли. А съ новыми лицами у старика Игнатія появились и новыя нѣсни. По свидѣтельству „Сказанія о началѣ раздора“... онъ, поселившись въ Москвѣ, началъ даже въ вопросѣ о титлѣ проповѣдывать лишь одно „четверобуквенное надписаніе право быти“ ¹⁾. Въ этомъ случаѣ онъ вступилъ въ общій курсъ отношеній едосѣвщины и поморщины между собою. А эти отношенія съ 1740 года характеризуются лишь взаимною враждою. Оба толка называли друга друга прямо еретиками ²⁾.

Представился Игнатию въ Москвѣ случай показать и стойкость своихъ общезнакоповинскихъ убѣжденій. Въ 1740—1742 г.г. здѣсь явился счастливый пропагаторъ поморства—почитаемый выходецъ выговскій Григорій Яковлевъ. Поселившись у едосѣвца Федора Шкитина—очевидно человека не вполне твердаго въ своей вѣрѣ,—онъ вскорѣ обратилъ его въ поморство ³⁾. Старался онъ обращать и другихъ едосѣвцевъ, ходилъ по ихъ домамъ и заводилъ бесѣды. Въ это время нѣсколькими поморскими учителями была гдѣ-то случайно приобрѣтена распродававшаяся старопечатная библиотека. Книжки на бесѣдахъ тотчасъ пустили въ дѣло. Рѣшили, говоритъ Григорій Яковлевъ, „черезъ“ эти „книжки истязаяся (вседневно, рещи) меже себе отъ писаній готовыхъ, а не раскольниковскихъ разноученій доводить, тако бо сами положихомся своя разговоры укрьпляти мы грамотнѣи мужики“ ⁴⁾. Въ бесѣдахъ толковали „о моленіи въ тропарѣхъ за Царское Величество, при томъ и о антихристѣ последнемъ, яко бы уже приде, и о перекрещиваніи раскольниковскомъ, яко бы должномъ“ ⁵⁾. Результатъ такого безпристрастнаго разсмотрѣнія безоповинскаго ученія получился

¹⁾ Стр. 103.

²⁾ Дѣло Архива Св. Синода 1745 г. № 344.

³⁾ Извѣщеніе праведное,—стр. 60.

⁴⁾ Извѣщеніе праведное... стр. 62—63.

⁵⁾ Ibid. стр. 62.

довольно неожиданный для самихъ собесѣдниковъ. Мало по малу Григорій Яковлевъ поколебался въ своемъ убѣжденіи относительно православія этого ученія; а затѣмъ къ его искреннимъ и убѣдительнымъ рѣчамъ стали было безъ злобы прислушиваться и нѣкоторые изъ его собесѣдниковъ, какъ поморцы, такъ и Ѧдосѣвцы. „И перво—говорить онъ—возымѣхомъ убо оттогда о Царскомъ Величествѣ безъ совѣсти и сумнѣнія въ трошарѣхъ по существу читати: также антихриста ктому отвергохомъ процовѣдати по раскольническому вѣхъ мудрованію; потомъ и о перекрещеваніи отъ великороссійскія церкви усумнихомся весьма“ 1). Опасность отъ такихъ бесѣдъ для Ѧдосѣвщины была очевидною. И вотъ Игнатій Трофимовъ вмѣстѣ съ болынею частью Ѧдосѣвскихъ Московскихъ наставниковъ „возсташа“ на участниковъ этихъ бесѣдъ „и собравшеся многажды потязаху и укоряху“ главнымъ образомъ Григорія Яковлева „яко повозучителя и разорителя вѣхъ первыхъ стариковъ самоученія“. „Потязатели“ не слушали доводовъ Григорія и уперно стояли въ своихъ Ѧдосѣвскихъ убѣжденіяхъ. „Аще намъ и тыеящу свидѣтельство отъ книгъ покажешь, говорили они ему, мы тому не послѣдуемъ, но содержимъ стариковъ отцовъ своихъ преданія и завѣщанія, за руками ихъ закрѣпленныя, а премѣняти не буди намъ, но умрети въ томъ дай намъ Богъ. И разъярившеся послѣди, изрекоша“ на Григорія „конечное отлученіе и отсѣченіе отъ сообщенія съ ними во всемъ“ 2).

Въ 1743 году пренепрательства Игнатія и его единовѣрцевъ съ поморцами были особенно ожесточены. Поводъ къ нимъ былъ дать поморцемъ Яковомъ Григорьевымъ Сергѣевымъ 3). Въ 1737, 38 и 39 годахъ онъ неоднократно бывалъ на Вылѣ, просвѣщаясь тамъ древнимъ благочестіемъ, но еще не рѣшаясь перекреститься. Въ 1739 г. онъ „услышать въ произшедшихъ между поморскими наставниками разговорахъ, что въ Москвѣ есть Ѧдосѣвекій толкъ, который со-

1) Ibid. стр. 63.

2) Ibid. стр. 63 и 64.

3) Все объ этихъ бесѣдахъ 1743 года заимствуется изъ „Дѣлъ“ Архива Св. Синода—1745 г. № 344 и 1747 г. № 215. Въ обоихъ „Дѣлахъ“ Яковъ Сергѣевъ фигурируетъ, и показаніе его въ послѣднемъ „Дѣлѣ“ одинаково съ показаніемъ въ первомъ.

стоитъ и въ Польшѣ, и въ Стародубѣ, и въ Старой Руссѣ, и во многихъ мѣстахъ... И возмнилось ему, по великости показаннаго Ѳедосѣевского толку, не лучше ль онаго дашиловскаго толку". Поэтому Яковъ явился въ Москву—въ первый разъ въ 1741 году, а затѣмъ и вторично въ 1743-мъ. Въ этотъ-то свой второй прїѣздъ въ Москву онъ завелъ здѣсь сношенія и съ поморскими и съ Ѳедосѣевскими наставниками, участвовать въ ихъ бесѣдахъ, цѣлѣтывалъ ихъ о ученіи ихъ и, такимъ образомъ, все искалъ петину. Его смѣлыя возраженія особенно не нравились Ѳедосѣевцамъ. Они будто бы даже были его и хотѣли и „живота его истребить". Алексѣй Ивановъ Жемчужниковъ напр. прямо „говаривалъ ему такія слова: что де у насъ были и лутчее тебя и тѣ де въ тюрьмѣ згинули, и ты де одинъ а насъ много, и буде много станешь говорить, то князь въ горло и недолго будешь говорить". Принималъ конечно во всѣхъ этихъ пререканіяхъ дѣятельное участіе и Игнатій Трофимовъ. Яковъ Сергѣевъ говоритъ, что и этотъ „учитель ихъ предестнаго толку" „говорилъ же: какъ бы де ты у насъ былъ въ Польшѣ и тамъ де бы такъ сталъ говорить скоро бы у насъ сгниуль". На бесѣдахъ спорилъ и о титулѣ, и о царемоленіи, и о совершеніи различныхъ духовныхъ требъ и таинствъ. Ѳедосѣевцы особенно рѣзко нападали на поморцевъ за титулы и за моленіе о Бя П. Величествѣ, и вѣчески старались склонить Якова Сергѣева на свою сторону. Такъ, послѣ одной изъ бесѣдъ Семенъ Савельевъ, „видя ево Сергѣева къ ихъ толку несклонна и желая обратить къ себѣ далъ ему на возвращеніе отъ дашиловскаго толку тетрадку, о которой ему наказывалъ чтобъ дашиловскимъ лжеучителямъ не показывать, а прочесть бы про себя и прочесть отдалъ бы обратно. И по пришееніи въ свою квартиру онъ Сергѣевъ ту тетрадку прочесть въ которой усмотрѣлъ о распріѣ о пансианіи на животворящемъ крестѣ титулы І. Н. Ц. І. весьма хульные на Господа и Пречистую Его Матерь слова. Онъ началъ было съ тетради снѣвывать, но Савельевъ сталъ требовать ее пришесть, но онъ ее ему не отдалъ и не уснѣвъ снѣвать снесъ ее дашиловскимъ лжеучителямъ Михаилу Кириллову, Ипату Григорьеву, Григорію Яковлеву и Максиму Маркову и спрашивать отчего такая распрія и отчего такими тетрадками межъ ними имя Божіе хулится и предложили чтобъ ее не

читали простые люди и не заблуждали отъ невѣдѣнія, ту ѲедосѢвскую тетрадку сжечь" ¹⁾. Это была несомнѣнно тетрадка, подобная тѣмъ ѲедосѢвскимъ тетрадкамъ противъ поморскаго надписанія на крестѣ и въ защиту титула І. Н. Ц. І., которыя фигурировали у Игнатія Трофимова на Выговскихъ бесѣдахъ 1731 (1732) года и затѣмъ по окончаніи этихъ бесѣдъ были сожжены. Ясно, что теперь, съ измѣненіемъ обстоятельствъ и настроенія ѲедосѢвцевъ, эти тетради опять были вынуты ими изъ-подъ суда въ новыхъ сипскахъ и официально пущены широко въ дѣло.

На дальнѣйшихъ бесѣдахъ поморцы конечно тотчасъ начали укорять ѲедосѢвцевъ за появленіе тетрадей о титулѣ послѣ того, какъ „такіе-жь тетрадки при собраніи въ Даниловскомъ скиту вмѣстѣ съ ѲедосѢвскими (т. е. съ ѲедосѢвцами) были сожжены“, и такъ же требовали сожженія ихъ. Но ѲедосѢвцы на одной изъ бесѣдъ сначала постарались „выманить“ отъ поморцевъ свою тетрадку, а потомъ начали откладывать ея уничтоженіе съ одной бесѣды на другую. Яковъ же настойчиво требовалъ отъ нихъ, чтобы они „оную непременно“ и „при собраніи простѣйшихъ людей“ — въ предотвращеніе соблазновъ—„сожгли“. Наконецъ ѲедосѢвцы сжечь злополучную тетрадку рѣшительно отказались. Настроеніе обѣихъ сторонъ сильно повысилось. И вотъ при заключеніи описанной серіи бесѣдъ разыгрался очень прекрасный инцидентъ, опредѣленно показывающій намъ, что руководящую роль у ѲедосѢвцевъ играть на этихъ бесѣдахъ Игнатій Трофимовъ. Апостать ѲедосѢвства, бывшій спутникъ Игнатія во вторую его поѣздку въ Поморье, бывшій также и его духовный сынъ—Максимъ Марковъ жестоко возсталъ противъ своего прежняго учителя. „Сердцемъ на него, Трофимова, и крича, онъ говорилъ, что Игнатій показанною тетрадкою между простыми народы великій соблазнъ и раздѣленіе дѣлаеть“; и что „не только де у нихъ во оной тетраткѣ но и въ прочихъ цвѣтникахъ много написано отъ себя лишняго“. И личное оскорбленіе, почувствованное въ этихъ словахъ Игнатіемъ, и нападка на его вѣру, заставили его забыть обычную свою сдержанность. Укоряя Максима, онъ началъ тутъ же при всемъ соборѣ „поносить и попре-

¹⁾ Дѣло 1745 г. № 344, л. 35 и обор.

катель“ его „сво же грѣхами, которыя онъ ему по духовенству объявлялъ“. Тутъ уже Максимъ окончательно вышелъ изъ себя и началъ прямо ругаться. „По образу ты своему и съдннамъ—кричалъ онъ—кажешся апостоль, а по дѣламъ настоящей адской дѣволы... и за это де тебѣ (за объявленіе грѣховъ Максима) по правиламъ Святыхъ Отець достойтъ языкъ какъ изъ быка вытянуть“!...

Новыя заботы и новая обстановка не заставили Игнатія забыть нѣкоторыхъ изъ своихъ прежнихъ знакомцевъ. Федоръ Калинычъ Даниловскій въ своемъ „письмѣ“ 1737 года свидѣтельствуетъ, что Игнатій и его „многогрѣшнаго“ „не воедино время позывалъ“ въ Москву „ради обысканія“. Это „обысканіе“ вѣроятно касалось прежняго спорнаго предмета—титлы ¹⁾. И бесѣды съ давнишнимъ пріязелемъ кончались у Игнатія новыми подтвержденіями взаимнаго согласія. „И тое обысканіе—говоритъ Калинычъ—достоверно обыскахомъ, и по томъ обысканіи таковымъ же (т. е. какъ въ 1727 и въ 1731 [1732] г.г.) миромъ устроихомся“ ²⁾. Заподозрѣвать въ общемъ правдивость словъ Федора Калиныча мы не имѣемъ основаній, но, съ другой стороны, и придавать широкое значеніе этимъ примиреніямъ не приходится. Игнатій и Федоръ давно были уже въ дружескихъ отношеніяхъ между собою. Оба они были некреними любителями мира церковнаго. Все это и должно было оказывать вліяніе какъ на тонъ, такъ затѣмъ и на результатъ ихъ взаимныхъ бесѣдъ. Импоируя другъ другу, они естественно не бывали одинокимъ отношенію къ другому и слишкомъ требовательными. Имъ ли было на старости лѣтъ начинать взаимную вражду?—Цѣня своего миролюбиваго оппонента друга, Игнатій и самъ изъ Москвы не разъ наѣзжалъ въ Даниловскіе предѣлы. „И по таковымъ (т. е. московскомъ) обысканіи—читаемъ дальше въ томъ же „письмѣ“ Ф. Калиныча—и мирномъ устроеніи, многократно пріѣзжалъ къ намъ оный Игнатій Трофимовичъ, посѣщенія ради. И егда у насъ колкое время гостить, и всѣхъ насъ многогрѣшныхъ услаждалъ сладостными духовными бесѣдами. И венъ мы многогрѣшнии таковыхъ его сладостныхъ бесѣдъ и зѣло распаленною жажлою жаждахомъ,

¹⁾ Въ „письмѣ“ какихъ либо указаній на предметъ „обысканія“ нѣтъ.

²⁾ Ркп. И. П. В. О. I, № 443, л. 193 обор.—194.

и насытникомъ и толкиѣ намъ его сладостныя бесѣды любезны и сладостны, яко бы кажда насъ во слѣдъ его ходитъ бы неотторженно“¹⁾.

Однако всё эти и Московскія и Даниловскія мирныя бесѣды Игнатія и Феодора были, такъ сказать, лишь домашними бесѣдами двухъ частныхъ лицъ, хотя бы и паставниковъ. Феодоръ Калинычъ не былъ конечно уполномоченъ говорить и рѣшать вѣроучительные вопросы единолично отъ имени всей поморской церкви. И у Игнатія Трофимова эти бесѣды не являлись выраженіемъ его общаго настроенія по отношенію къ церкви Феодора Калиныча. Для сближенія безпоповщическихъ „церквей“ эти бесѣды значенія не имѣли; а равно не должны были онѣ и для самихъ собесѣдниковъ, Игнатія и Феодора, окончательно опредѣлять ихъ отношенія другъ къ другу на случай состязаній о вѣрѣ публичныхъ.

Въ „Сказаніи о началѣ раздора Феодосіевыхъ съ Выгрьцкимъ общежителствомъ“ описывается одна изъ такихъ публичныхъ бесѣдъ въ Москвѣ, имѣвшая мѣсто въ 1744 году. Товарищами Игнатія въ этой бесѣдѣ были Михаилъ Григорьевъ и Феодоръ Феодоровъ Ярославскій, а оппонентами Даниилъ Матвѣевъ и Феодоръ Калининъ. Последніе, зная, что Игнатій оправдываетъ титулъ крестомъ царя Константина въ Успенскомъ соборѣ, на каковомъ крестѣ будто бы—по его словамъ—существуетъ „четыреугольное начертаніе“²⁾, предложили освидѣтельствовать крестъ на мѣстѣ, т. е. въ соборѣ. И вотъ, „собравшесѣ вгруппъ, поидоша во Успенской соборъ (1744 г.), поемши и оного учителя Игнатія, и даша стражемъ сребренники, да вынесутъ предъ тѣхъ очи оный Крестъ Константиновъ, иже и вынесетъ бысть изъ алтаря и положенъ на налои, къ которому приступивше отцы, пригъязно смотрѣша Игнатіемъ проповѣданнаго, по того усмотрѣти отнюдѣ не возмогоста, токмо начертанное сіе: „**Г҃ъ Христосъ. Симъ побѣждай**“ имвется якоже и самолично нѣкій благочестивый Монархъ на небеси звѣздами изображенное видѣ, и исторією тою засвидѣтельствовано бысть: „Зри убо, глаголаша ему, тобою засвидѣльствованный Крестъ, егоже ради

1) Ibid. т. 194 и обор.

2) „Самъ же никогда своими очами его видѣти улучи“—прибавляетъ „Сказаніе“ объ Игнатіи (стр. 103).

мы и ради вашего свидѣтельствванія на немъ четырехбуквеннаго надписанія, потрудихомся съмо прінти, еда на немъ оное обряцется!“ Онъ же, возрѣвъ на оный, и не видѣвъ того, и наде на землю и бысть безгласенъ на многу часъ”¹⁾. Можетъ быть „Сказаніе“ ступааетъ краски при изображеніи посрамленія Игнатія, но сконфуженъ онъ несомнѣно былъ. Весьма возможно, что онъ готовъ былъ, согласно тому же „Сказанію“, даже и „прощеніе принести“. Доказательство поморцевъ дѣйствительно было сильно своею очевидностью, и некрещеный некатель истинны Игнатіи пріять его къ сердцу.

Послѣ этого обысканія Игнатіи и Даніилъ „согласиася съ обоихъ страхъ быти собору и на немъ своему раздору рѣшеніе учинити; и собравшися въ Преображенское (1744 г.) въ домъ пѣвчего Сергѣя Мартынова²⁾, и быша многіе разговоры о проиходящемъ несогласіи“³⁾. Рѣчи на соборѣ начались, надо полагать, съ вопроса о титулѣ и объ Игнатіи Палеостровскомъ съ его „письмомъ о титулѣ противъ никоніашъ“⁴⁾. Послѣ того, какъ едосѣвцы уже пустили въ ходъ свои тетради о титулѣ, естественно и поморцы снова взяли за „письмо“ старца Игнатія. И вотъ посрамившіе Игнатія Трофимова въ Успенскомъ соборѣ продолжали теперь поражать его доказательствами отъ „письма“. Интересно чѣмъ бы въ концѣ концовъ разрѣшились эти пренія о титулѣ, но къ сожалѣнію они до конца доведены не были; вопросъ о титулѣ, вмѣстѣ и съ вопросомъ о „письмѣ“ Игнатія Палеостровскаго, на этомъ соборѣ своего рѣшенія не дождался и былъ оставленъ. Участники собора—собственно главнымъ образомъ едосѣвская сторона—оказались непосредствен-

¹⁾ „Сказаніе“... стр. 103—104.

²⁾ Правильнѣе—„Мартына Сергѣева“,—по „Извѣщенію праведному“ Гр. Яковлева (см. стр. 63).

³⁾ „Сказаніе о нач. раздора“...—стр. 104.

Въ статьѣ проф. И. С. Нильскаго „О Преображенскомъ Московскомъ кладбищѣ“ (Христ. Чтеніе 1863 г., ч. 2, см. стр. 24—25) этотъ соборъ неправильно отвесенъ къ 1740 году.

⁴⁾ Свое письмо въ Поморье, написанное послѣ этого собора (см. въ ркп. Кіев. Дух. Акад. О. 8. № 61, л. 1—4), Игнатіи начинаеть слѣдующей фразой: „Во извѣстіе вашему боголюбію, попредложенному слову о писмѣ что писано старца Игнатія Палеострова“... „Предложено“ „слово“ и было очевидно на соборѣ 1744 года.

ными въ своихъ рѣчахъ и скоро вся полемика перенесена была на другой пунктъ. „Игнатій Трофимовъ Данилу нача глаголати, чтобъ ему положили начало проститися. Даниль же потребова у него причины, чесо ради ему прощатися. Игнатій же предложи въ причину тогда въ Поморіѣ начавшееся богомоленіе и нарицаніе прилагательнаго имени. Даниль же ему рече, что я безъ совѣту своихъ старѣйшихъ не могу сего учинити, и прирекъ ему сіе: „Да и ванга, Игнатія Трофимовича, правость не велика: когда отъ васъ веѣмъ предлаганесе на Константиновомъ Крестѣ четверобуквенное начертаніе, еже мы съ тобою осмотрѣвше, явное ваше джегласіе признахомъ: однако мы и въ томъ не много вяжемся“ ¹⁾. Постъ этихъ взаимныхъ пререканій рѣчь все-таки оставилася на вопросъ о моленіи за царскую власть. Даниль „принужданесе отъ Игнатія, да оставлено будетъ у нихъ богомоленіе. Даниль же на то ему отвѣтствовалше, что оцъ безсовѣтно не можетъ сотворити и ради тогда состоявшагося Коммисиі: егда же оная мншется, тогда у насъ оное будетъ, или богомоленіе оное прекратится, или на то вамъ свидѣльствами удостовѣрено будетъ“ ²⁾. Больше этого обвинанія поморцы не считали себя конечно компетентными что либо предложить федосѣвцамъ здѣсь же на соборѣ. Тѣмъ рѣчи и кончилше. Соборъ въ общемъ прошелъ тихо, безъ особыхъ рѣзкостей, и былъ мирно завершенъ. „И тако—говоритъ „Сказаніе—въ томъ намѣреніи согласившеся (въ намѣреніи покуда не полагать окончательнаго рѣшенія по вопросу о царемоленіи), начало общее положивша, и тогда прилучившемуся празднику Сочествію Святаго Духа, задо-стойникъ: „Радуйся Царице!“ проѣвни, радостно ликовствоваху (1744), въ мирномъ и союзномъ соединеніи радостнѣ разыдоша кѣждо во свояси“ ³⁾. Весь этотъ соборъ опять служитъ подтвержденіемъ того, что вопросъ о титулѣ въ суммѣ разногласій между федосѣвщиной и поморичиной понемногу теряетъ свою исключительную остроту и важность, заставляясь вопросами новыми, выдвигаемыми временемъ.

Одинъ лишь Игнатій Трофимовичъ остался вѣренъ себѣ.

¹⁾ „Сказаніе“... стр. 104.

²⁾ Ibid.

³⁾ Ibid.

Выпесни на своихъ плечахъ многолѣтніе тяжелые споры съ поморцами изъ-за четырехъ интернаго начертанія, получая изъ за этой „догматы“ до самаго послѣдняго времени не малая неприятности, создавъ ей исторію, онъ и теперь сосредоточилъ на ней болѣе глубокое и продолжительное, чѣмъ его единовѣрцы, вниманіе. Въ Успенскомъ соборѣ онъ былъ посрамленъ, на соборѣ у Мартына Сергѣева не сумѣлъ вмѣстить титлы въ сердца своихъ оппонентовъ... но не это его смущало главнымъ образомъ. Продолжало смущать старика Игнатія „письмо“ его Палеостровскаго соименника. Если онъ—Игнатій Трофимовъ—оказался не правъ въ своихъ доказательствахъ на соборѣ, то и поморцы вѣдь тоже несправедливо стали вновь ссылаться на преданное волю Божіей еще на бесѣдѣ 1727 года письму Игнатія Палеостровскаго. И вотъ или въ концѣ 1744 года, или въ самомъ началѣ 1745-го онъ пишетъ въ Поморье специальное о титлѣ посланіе ¹⁾, въ которомъ указываетъ, что „черезъ ту титлу

¹⁾ „Краткая исторія о соблазнахъ еедосіева согласія“ (ркп. И. П. Б. О. I, № 443, см. л. 158 об.—159) упоминаетъ о томъ, что „въ лѣто 7253... Игнатій Трофимычъ спрочими писаша писмо в'поморіе, въ которомъ о титлѣ оной І. Н. Ц. І. ими оправдываемой написаша, что де мы сію титлу пріемлемъ спрочими святоцерковными надписаніи равночестно, а хотя де она по вашему слову и повинна, и прочее; и въ томъ же писмѣ паки написаша о писаніи отца Игнатія Соловецкаго хулу, что страшно де намъ писаніе его слышать, и ужасно прочести и прочее“.—Это письмо Игнатія Трофимова полностью приводится въ рукописи Кіевской Духовной Академіи О. 8. № 61, л. 1—4—съ такимъ заголовкомъ переписчика: „Ѳеодосіева согласія писано къ поморскимъ отцамъ отъ Игнатія Трофимовича“.

Хотя само письмо о мѣстѣ своего написанія не говоритъ ни слова, однако ясно конечно, что оно было написано Игнатіемъ изъ Москвы.

Не обозначаетъ письмо и времени своего написанія, но это время легко опредѣлить по отвѣтному Игнатію поморскому посланію:

Въ той же Кіевской рукописи О. 8. № 61 въ слѣдъ за вышеприведеннымъ письмомъ Игнатія Трофимова помѣщено (на лл. 4—25 обор.) и отвѣтное на него поморское посланіе, написанное, по свидѣтельству „Краткой исторіи“ (л. 159) Давидомъ Матвѣевчичемъ. Озаглавляется оно въ ркп. О. 8. № 61 такъ: „Отвѣтъ отъ поморскихъ отецъ къ еедосеевымъ противъ писма Игнатъя Трофимыча“. Въ концѣ посланія стоитъ и точная дата времени его написанія: „Лѣта отъ Р. Х-ва, 1745 году, Феврала дня 11“ (л. 26 обор.).

Если это отвѣтное посланіе написано 11 Февраль 1745 года, то, значитъ, предыдущее—Игнатіево письмо—было написано или въ концѣ 1744 г., или въ самомъ началѣ 1745-го.

т. е. о той титулѣ) онъ Игнатій (Шалеостровскій) весьма непорядочно пишетъ странно намъ слышать и ужасно намъ прочитати: а нынѣ мы слышимъ отъ вашей страны подобно оному Игнатію списанію, отрыгаете и хулите, якоже и прежде были отъ вашей страны, ревнуя по Игнатіи Палія острова" 1). Поэтому Трофимовъ просить поморцевъ окончательно выяснить ему ихъ отношеніе къ этому „письму“—„право ли оно или неправо списаніе и пріято ли Церковію святою или не пріято“. Если поморцы считаютъ его правымъ, то Игнатій просить ихъ доказать ему письменно же, что это „писмо“ „православно и церкви Божіей не противно и святымъ благословцемъ согласно“. „А будетъ—пишетъ онъ дальше—и вашей любви оное списаніе сумнительно и мнительно и непорядочно и въ монастырѣ оное нецелуемо, и христіаномъ оное мятежно и вредно и вы Господа ради не скрыйте о томъ въ сердца своемъ явственно покажите намъ и то вѣданіе на писемъ чисто чтобы намъ во своей страны извѣстно показать братіи своей истокмо словесы но и писемно“ 2). Но въ этомъ же писемѣ Игнатій и самъ уступку дѣлаетъ поморцамъ. Свидѣтельствуя, что онъ стоитъ за кресты съ титулой, онъ въ то же время исповѣдуетъ „быти свято и истинно“ и кресты съ надписаніемъ поморскимъ,—„пріемлетъ и любызаетъ“ ихъ 3).

На это посланіе поморцы 11 февраля 1745 года написали большое отвѣтное, въ которомъ, разобравъ содержаніе писема Игнатія Трофимова и его доказательства въ пользу титулы І. П. Ц. І., продолжали твердо отстаивать справедливость своего надписанія,—при этомъ „пишущие—какъ выражались они—не яко обличающе и зазирающе: но яко брателюбиво совѣщавающе по писанному братъ братомъ подкрѣпляемъ яко градъ твердъ, не яко зазоры или укоризны обличительно отменительно произносяще, или несоглашеніе“ Ѳедосѣевское „въ произшедшихъ случаяхъ являюще, но яко свойственнѣ братію или друзи и друговъ изъ любви наказующе, полез-

Это посланіе Д. Матвѣева было напечатано Н. Барсовымъ въ „Трудахъ Кіевской Дух. Ак.“ за 1865 годъ (т. III, стр. 145—156)—но лишь безъ конца (напечатанное=л.л. 4—1/2 22 обор.).

1) Ркп. Кіевск. Дух. Акад. О. 8. № 61, л. 1 и обор.

2) Ibid.—л. 2 и обор.

3) Ibid.—л. 2 обор.

ная взаимно предлагающе“¹⁾. Форма и характеръ этого поморскаго отвѣта допускала и дальнѣйшія разсужденія о титулѣ... Но отъ Игнатія никто больше ничего слышать не могъ.

Старъ и слабъ былъ уже едосѣвскій миротворецъ. И вообще въ послѣдніе годы онъ часто и сильно прихварывалъ, до того иногда, что, по выраженію его панегириста Федора Калининча, отъ него оставалось лишь „полумертвыя мощи“²⁾. Письмо же поморское застало его почти на смертномъ одрѣ. Въ мартѣ 1745 года Игнатій Трофимовъ умеръ³⁾. Его княжеское имущество наследовалъ московскій купецъ Михаилъ Ивановъ Свѣшниковъ, у котораго Игнатій почти всегда и жилъ за время своего пребыванія въ Москвѣ⁴⁾.

Такъ и не пришлось Игнатію Трофимову увидѣть осуществленія своихъ *ria desideria*—обращенія поморцевъ на путь истины и примиренія ихъ съ едосѣвцами. И лишь его уступки поморцамъ не остались безрезультатными у мѣсте консервативныхъ изъ его единовѣрцевъ. Первая статья „Польскаго Устава“ 1751 года, приглашающая „за едино почитати и поклонятися“ и крестамъ съ надписаніемъ „**Гѣъ Христогъ**“, есть ясное тому доказательство и является какъ бы оффиціальнымъ признаніемъ единовѣрцами Игнатія справедливости его послѣдняго неповѣданія въ письмѣ поморцамъ отъ 1744 (1745) года такихъ крестовъ святыми и истинными. Вопросъ о титулѣ начинаетъ отживать свое время.

П. Лустиновъ.

1) Ibid.—л. 23.

2) Ркп. И. П. Б. О. I, № 443, л. 195 обор.; ср. и л. 196.

3) Ркп. Владим. Дух. Семинаріи № 75, л. 22-й.

4) При обыскѣ у взятаго въ 1747 г. Свѣшникова были найдены 34 старопечатныя книги. Онъ показалъ, что эти книги присланы ему по смерти Игнатія Трофимова (Дѣло Архива Св. Синода 1745 г., № 351, л. 99 обор.).